

Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 3)*

Р. А. Ромашов

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина,
Санкт-Петербург, Российская Федерация

Настоящая статья продолжает цикл публикаций по историко-теоретическому и сравнительному анализу конституционно-правовых систем современного мира.

Во вводной части определяется предмет рассмотрения, ставятся исследовательские задачи, осуществляется обзорная характеристика источниковедческой базы.

В содержательной части статьи дается анализ дискретных конституционно-правовых систем, сложившихся в ходе циклического политогенеза России и Германии. Акцентируется внимание на особенностях соотношения формальной и «живой» конституций в условиях переходных политико-правовых режимов, складывавшихся в вышеназванных государствах в XX в.

В заключении подводятся итоги и делаются обобщающие выводы, главным из которых является утверждение о том, что дискретные конституционно-правовые системы формируются в условиях политико-правовой аномии, что предполагает «разрыв» национальной культурно-правовой традиции и начало «нового» цикла конституционной истории, не связанного с предыдущим этапом содержательным правопреемством.

Ключевые слова: национальная культурно-правовая традиция, дискретность, политико-правовая аномия, конституционно-правовая система; конституционные ценности, конституционное правопреемство.

Для цитирования: Ромашов Р.А. Конституционно-правовые системы современного мира: опыт сравнительного анализа (статья 3) // Ленинградский юридический журнал. – 2022. – № 3 (69). – С. 36–50. DOI 10.35231/18136230_2022_3_36

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 20-011-00794 А «Государственно-правовые системы современного мира».
© Ромашов Р. А., 2022

Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis (Article 3)

Roman A. Romashov

Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg, Russian Federation

This article continues the cycle of articles devoted to the historical, theoretical and comparative analysis of the constitutional and legal systems of the modern world.

In the introductory part, the subject of consideration is defined, research tasks are set, and an overview of the source base is carried out.

The content of the article is devoted to the analysis of discrete constitutional and legal systems that have developed in the course of the cyclical politogenesis of Russia and Germany. The main attention is focused on the peculiarities of the correlation of formal and "living" constitutions in the conditions of transitional political and legal regimes that took shape in the above-mentioned states in the 20th century.

In conclusion, the results are summarized and generalizing conclusions are made, the main of which is the assertion that discrete constitutional and legal systems are formed in conditions of political and legal anomie, which implies a "break" of the national cultural and legal tradition and the beginning of a "new" cycle of constitutional history, not related to the previous stage by meaningful succession.

Key words: national cultural and legal tradition, discreteness, political and legal anomie, constitutional and legal system; constitutional values, constitutional succession.

For citation: Romashov, R.A. (2022). Konstitucionno-pravovy`e sistemy` sovremennogo mira: opy`t sravnitel`nogo analiza (stat`ya 3) [Constitutional and legal systems of the modern world: experience of comparative analysis]. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal – Leningrad Legal Journal*. No 3 (69). pp. 36–50. (In Russian). DOI 10.35231/18136230_2022_3_36

Введение

В отличие от традиционных конституционно-правовых систем, опирающихся на относительно неизменные национальные культурно-правовые традиции, основывающиеся на получивших конституционное закрепление и практическое воплощение конституционных принципах и ценностях, одинаковых для представителей трех и более поколений граждан (подданных), системы относящиеся к дискретному типу, исходят в своих логических построениях из гипотезы «конца» государственно-правовой (конституционной) истории, являющегося одновременно «началом новой истории». Причем каждый раз при переходе к следующему историческому этапу (циклу), «разрушители старого мира» декларируют «вечность и неизменность» вновь создаваемого государственно-правового порядка (конституционно-правовой системы). В рамках предлагаемой статьи, считаем целесообразным осуществить сравнительный анализ двух конституционно-правовых систем, сложившихся в странах с дискретной историей, а именно – России и Германии. Несмотря на существенную разницу в культурных ментальностях, названные государства прошли в XX в. путь, сходный именно в своей дискретности. И Германия, и Россия претендовали на обретение лидирующей роли в мировой политике, потерпели в своих попытках неудачу, однако пытаются в настоящее время обрести собственное достойное место в цивилизационном устройстве человеческого сообщества. И Россия, и Германия, войдя в двадцатое столетие империями, миновали этапы кризиса и разрушения традиционных монархий, формирования и краха демократических буржуазных республик, установления и падения тоталитарных режимов, столкнулись в беспрецедентной по жестокости Второй мировой войне, в результате которой нацистская Германия (Третий рейх), потерпела сокрушительное поражение, а СССР стал центром мировой системы социализма. Конец двадцатого столетия для Германии был ознаменован переходом от конструкции «один народ – два государства» к единому федеративному государству. СССР, напротив не смог сохранить государственного единства «советского народа», распавшись на 15 суверенных государств, проводящих в настоящее время самостоятельную политику и по-разному воспринимающих завершённую «общую историю».

Получившее конституционное закрепление провозглашение Российской Федерации правопреемником и правопреемником

должателем СССР (ст. 67.1 Конституции) может расцениваться как стремление к продолжению государственно-правовой (конституционно-правовой) традиции, сложившейся в рамках мировой семьи социалистического права. Вместе с тем структурно-содержательный анализ как самой российской Конституции, так и практики ее реализации в современных условиях, позволяет говорить о постсоветской России как о государстве, качественным образом отличающемся от «своего предшественника». Если применительно к Германии, можно (конечно, с определенной натяжкой) говорить о «возврате» к конституционным идеалам Веймарской Республики, то «новая» Россия в своем конституционном устройстве одинаково далека как от буржуазной республики 1917 г. (в силу кратковременности своего существования не успевшей принять писаную конституцию и сформировать сколько-нибудь устойчивую и стабильную конституционно-правовую систему), так и от советской социалистической республики 1917–1991 гг. имевшей ряд конституционных актов как учредительного, так и этапного характера.

Основной целью сравнительного анализа конституционно-правовых систем Германии и России является обоснование вывода о том, что национальные конституции в условиях дискретной (циклической) истории, производны от складывающейся в конкретных социально-политических условиях практики общественных отношений и носят не прогностический, как в традиционных конституционно-правовых системах, а констатационный характер. При этом конституционное закрепление положений и принципов, определяющих природу и содержание формируемой конституционно-правовой системы, не является действенной гарантией, «уберегающей» их от изменения либо отмены в случае «очередного конца истории». В рамках данной статьи будет рассмотрена российская конституционно-правовая система, претерпевшая в XX–XXI вв. существенные трансформационные изменения.

Конституционно-правовая система России

Как уже было отмечено ранее, в XX в. российское государство претерпело ряд масштабных изменений, предопределивших циклический характер национального политогенеза.

Первая мировая война обусловила кризис монархической формы правления. Итогом кризиса стало добровольное отречение последнего российского императора Николая II от престола и провозглашение в России республики. Особенностью новой формы государственного устройства был его изначально диахронный характер. Государственная власть фактически была сосредоточена у легальной бюрократии (Временное правительство и руководимые им управленческие структуры) и легитимного народного представительства (советы народных депутатов). Неумение и нежелание выстраивать конструктивный диалог между властными структурами обусловили конфликт между ними. Следствием этого конфликта стал государственный переворот 7 ноября 1917 г., впоследствии получивший официальное название Великой Октябрьской Социалистической революции. Первая Российская конституция – Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.), закрепляла создание на месте бывшей Российской империи государства нового исторического типа – социалистической федеративной советской республики. При этом в отличие от «классического американского» федерализма, в модели которого за основу образования субъектов федерации был принят политико-территориальный принцип, реализация которого осуществлялась без учета этнонациональных характеристик лиц, постоянно проживающих в пространственных пределах той или иной территориальной единицы, в основу российского социалистического федерализма был положен национально-территориальный принцип, в соответствие с которым «Российская Советская Республика учреждалась на основе свободного союза свободных наций, как федерация Советских национальных республик» (ст. 2 Конституции РСФСР 1918 г.). Еще одним существенным отличием являлось признание принятой Конституции актом временного действия. В ст. 9 определено, что «Основная задача рассчитанной на настоящий переходный момент Конституции Российской Социалистической Федеративной Советской Республики заключается в установлении диктатуры городского и сельского пролетариата и беднейшего крестьянства в виде мощной Всероссийской Советской власти в целях полного подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и водворения социализма, при котором не будет ни деления на классы, ни государственной

власти». Таким образом можно сделать вывод о том, что «отцы-основатели» советского государства всерьез рассчитывали на быстротечность революционных преобразований, которые, выйдя из масштабов внутригосударственных, должны были приобрести международный характер и привести к мировой пролетарской революции, направленной на уничтожение эксплуататорского государства и права с последующим формированием коммунистического общежития, основанного на народном самоуправлении, предпосылкой которого в складывающихся исторических условиях должны были стать многоуровневые советы народных депутатов, а высшей государственной властью наделялся Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. Опираясь на классовую концепцию государства и права, Конституция 1918 г. носила ярко выраженный дискриминационный характер [2, с. 11–18]. Определяя в качестве одной из основных задач советской власти – уничтожение эксплуатации и эксплуататоров, Конституция определяла, что «эксплуататорам не может быть места ни в одном из органов власти» (ст. 7). Сравнивая первую советскую Конституцию с французским аналогом 1791 г., следует отметить, что и та, и другая использовали в качестве самостоятельного структурного раздела Декларации, что позволяет рассматривать эти конституционные акты как консолидированные. Однако в отличие от французской Конституции, закреплявшей принцип человеческого и гражданского равенства, формализуемый Декларацией прав человека и гражданина, Конституция Советской России «открывалась» Декларацией прав *трудящегося и эксплуатируемого народа* (курсив наш – Р.Р.), таким образом проводя четкую грань, разделяющую народ (трудящееся и эксплуатируемое население) и эксплуататоров (граждан живущих на «нетрудовые» доходы). Причем, ставя целью «полное устранение деления общества на классы», конституция в качестве инструментария ее достижения определяла «беспощадное подавление эксплуататоров, установление социалистической организации общества и победы социализма во всех странах» (ст. 3). В процессе же достижения этой цели накал классовой борьбы должен был неуклонно возрастать (И. В. Сталин), что по сути своей исключало общечеловеческое и гражданское равенство до тех пор, пока сохраняется эксплуататорское государство, т.е. на неопределенное время, а фактически на весь период существования буржуазной и социалистической общественных формаций. Содержательный анализ положений

и принципов, закрепленных в Конституции РСФСР 1918 г. позволяет говорить о ней как об основном источнике российского права периода «революционной законности», определявшего период действия революционной конституционно-правовой системы, функционировавшей вплоть до утверждения системы «социалистической законности», окончательно утвердившейся в стране после демонтажа НЭП и имеющей своим формальным основанием Конституцию СССР 1936 г. (Конституцию РСФСР 1937 г.).

Динамика развития социалистической конституционно-правовой системы показывает определенную закономерность в области разработки и принятия союзных и республиканских конституций. Все советские конституции (СССР 1924, 1936, 1977 гг.; РСФСР и др. союзных и автономных республик 1925, 1937, 1978 гг.) были встроены в единую конституционную систему социалистического права и, несмотря на имеющиеся отличия, были сходны по закрепленным в них основополагающим принципам и ценностям советского социалистического конституционного строя. К числу таких принципов и ценностей следует отнести следующие:

- советский народ – интернациональная общность трудящихся (рабочего класса, крестьянства, трудовой интеллигенции), «нерушимый» союз коммунистов и беспартийных;
- КПСС – руководящая и направляющая сила советского общества (всего – прим. Р.Р.), ядро политической системы;
- средства производства принадлежат в равной степени всем трудящимся и формализуются в виде объектов и предметов государственной, колхозной и кооперативной собственности, частная собственность запрещена законом;
- не допускается эксплуатация человека человеком;
- представительная демократия осуществляется в форме равноуровневых советов народных депутатов; высшей формой государственной власти является Верховный Совет/Съезд народных депутатов (СССР, союзных республик);
- субъекты Союза ССР образуются по национальному принципу и формально обладают всеми признаками государства (завершенная система государственной власти, отраслевое республиканское материальное и процессуальное законода-

тельство (для союзных республик), право на односторонний выход из СССР);

■ советские конституции представляли акты ретроспективного действия и имели основной целью нормативное закрепление уже сложившегося конституционного порядка, в то время как перспективное планирование в сфере государственного развития осуществлялось при помощи программных документов КПСС¹.

С учетом советско-партийной диархии, обеспечивавшей «единство советского народа и коммунистической партии», вопрос о внесении изменений в конституционно-правовую систему решался на партийном уровне (инициатива конституционной реформы исходила от руководства КПСС), а свое практическое осуществление получал за счет использования органов народного представительства (Съездов Советов, Верховного Совета). Как уже ранее отмечалось, фактически развитие советского государства определяли два «основных закона»: конституция и программа КПСС. В основу понимания конституций в условиях советской социалистической конституционно-правовой системы был положен принцип ретроспективного действия: действующая конституция призвана закрепить и конституировать сложившийся конституционный порядок, следовательно, конституция не ставит перед собой цели прогнозирования конституционного будущего. Наступление этого будущего констатируется КПСС, а точнее, ее высшим руководством, после чего «включается» механизм советского законодательства, результатом деятельности которого является принятие очередной «этапной» конституции советского союзного государства, с последующим «дублирующим» конституционным правотворчеством в союзных и автономных республиках. При этом соотношение государственного (союзного) и регионального (республиканского) конституционализма в советской конституционно-правовой системе было связано неформальным, но неуклонно соблюдаемым конституционным обычаем. Всякий раз, после принятия союзной конституции, органы народного представительства союзных и автономных республик в течение последующего года принимали свои конституции, в которых фактически дублировались (отсюда и название

¹ КПСС в своей истории принимала три программы: первую – для периода борьбы за победу буржуазно-демократической и социалистической революций (1903 г.); вторую – для периода построения социализма (1919 г.); третью – для периода перехода к коммунизму (1961 г.)

«дублирующего» конституционного правотворчества) наиболее важные положения союзного конституционного акта.

Еще одним подтверждением конституционного правопреемства в советской конституционно-правовой системе является отсылочный характер преамбул конституционных актов. В частности, в преамбуле Конституции РСФСР 1978 г. отмечается: «Народ РСФСР...сохраняя преемственность идей и принципов Конституции РСФСР 1918 года, Конституции РСФСР 1925 года, Конституции РСФСР 1937 года и в соответствии с Конституцией (Основным Законом) Союза ССР (1977 г. – прим. Р.Р.)... провозглашает настоящую Конституцию». Таким образом, советские конституции не просто декларировали конституционное правопреемство, а закрепляли его как фактически, воспроизводя базовые положения основ конституционного строя социалистического государства, так и посредством средств юридической техники (отсылочный способ изложения), при помощи которых устанавливались формально-юридические связи вновь принимаемых конституционных актов с ранее действовавшими.

Распад СССР так же, как и разрушение Российской империи, был традиционно для отечественной политической традиции инициирован «сверху». В 1917 г. Российский император Николай II добровольно отрекся от престола. В 1990 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев на безальтернативной основе был избран Президентом СССР, тем самым продемонстрировав отказ от советской социалистической конституционно-правовой традиции, в рамках которой закреплялась приоритетная роль коммунистической партии и коммунистической государственной идеологии и переход к системе традиционных либерально-буржуазных ценностей «коллективного Запада». В 1991 г. по инициативе президентов РСФСР и СССР был осуществлен демонтаж руководящих структур КП РСФСР и КПСС, осуществлявших реальную государственную власть как на общегосударственном, так и на региональном уровнях. Политическое руководство РСФСР фактически противопоставило республику как субъект федерации союзному государству, заявив о собственном государственном суверенитете, а также о приоритете республиканского законодательства по отношению к союзному [7]. Итогом отмеченного противостояния стал распад Союза ССР, ознаменовавший собой разрушение мировой системы социализма и прекращение действия советской социалистической конституционно-правовой системы.

Постсоветская Россия, как уже ранее было отмечено, закрепила на конституционном уровне правопреемство в отношении СССР, однако в содержательном смысле наблюдается дискретность государственной истории и связанный с ней разрыв национальной культурно-правовой и конституционно-правовой традиции. Действующая Конституция РФ не содержит отсылки к ранее действовавшим конституционным актам РСФСР и СССР, в тексте Конституции получили закрепление принципы и ценности, свойственные для либерально-буржуазных систем «коллективного Запада», негативно оцениваемых представителями советского и, кстати, современного российского конституционализма [3, с. 3; 4, с. 7–14]. К числу таких принципов и ценностей следует отнести:

- Приоритет эгоцентризма по отношению к системоцентризму («Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства» (ст. 2 Конституции РФ 1993 г.)).

- Неопределенность социальной структуры современного российского общества, рассматриваемого в Конституции и в качестве единого образования (многонациональный народ – Преамбула, ст. 3), и как «многонациональный союз равноправных народов» (ст. 68).

- Конституционное закрепление модели персонифицированного института главы государства – Президента РФ (в социалистической конституционно-правовой системе высшим органом государственной власти являлся коллективный орган – Съезд Советов/Верховный Совет).

- Государственные органы народного представительства (Государственная Дума Федерального Собрания РФ, законодательные собрания субъектов РФ) утратили статус высших органов государственной власти и в настоящее время включаются в систему разделения властей (ст. 10 Конституции РФ).

- Идеологический плюрализм, предполагающий недопустимость единой государственной идеологии и многопартийная система, опирающаяся не на определенные электоральные группы и связанные с этими группами партийные программы, а на поддерживаемые государственной властью корпорации партийных функционеров.

■ Легализация права частной собственности и связанного с ним экономического неравенства, а также узаконивание коммерческой деятельности и, как следствие, возможности экономической эксплуатации человека человеком (для сравнения – «Никто не вправе использовать социалистическую ответственность в целях личной наживы и в других корыстных целях» – ст. 10 Конституции СССР 1977 г.).

■ Преобразование труда из всеобщей конституционной обязанности в конституционную свободу («труд свободен, принудительный труд запрещен»), что, с одной стороны, допускает социальное иждивенчество («тунеядство»), а с другой – делает весьма расплывчатым определение «трудящегося». В частности, возникает вопрос, является ли трудящимся лицо, занимающееся профессиональной коммерцией, т. е. исходя из классовой теории – капиталист (эксплуататор). Присвоение звания «Герой Труда» миллиардеру А. Ротенбергу [9] является наглядным свидетельством применения советской системы оценки трудовой доблести в условиях капиталистической экономики. Однако, означает ли приведенный пример, что в современной России отсутствует классовый антагонизм между «тружениками-капиталистами/эксплуататорами» и «тружениками-эксплуатируемыми»? Ответ на поставленный вопрос действующая Конституция не дает.

В настоящее время в качестве формальных источников в совокупности, образующих национальную конституционно-правовую систему, выступают Конституция РФ 1993 г. с внесенными в нее поправками, в совокупности с нормативными интерпретационными актами КС РФ. В комплексе названные юридические формы образуют феномен «живой конституции», существенным образом отличающийся в своем теоретическом понимании от советского аналога, представленного исключительно «писаной конституцией». Наряду с федеральной «живой конституцией» источниками конституционно-правовой системы РФ являются конституции республик и уставы краев, областей, городов федерального значения, автономных округов и автономной области. Республики имеют конституционный статус государств (ст. 5 Конституции РФ 1993 г.) и соответственно занимают приоритетное положение в структуре субъектов Российской Федерации, несмотря на то, что их «удельный вес» в социально-экономической системе государства незначителен, и практически все они являются дотационными регионами. Рассмотрение

соотношения федеральной конституции с конституционными актами субъектов позволяет сделать вывод об их фактической автономности. Если в советской конституционно-правовой системе республиканские конституции принимались на основе союзной и дублировали ее основные положения, то в постсоветской России сам факт принятия региональных конституционных актов не зависит от Конституции РФ. Наиболее наглядным примером такой независимости является Конституция Республики Татарстан, принятая в 1992 г. (более чем за год до принятия Конституции России) и содержащая в своем тексте существенные противоречия с текстом действующей федеральной конституции. В частности, в преамбуле отмечается, что «Настоящая Конституция, выражает волю многонационального народа Республики Татарстан и татарского народа», при этом ничего не говорится о соотношении названных народов с народом Российской Федерации. Для сравнения, во всех конституциях советских республик 1978 г. (в том числе, в Конституции Тат.АССР), в преамбулах содержалось положение, в соответствии с которым образующий соответствующую республику народ «осознавал себя неотъемлемой частью всего советского народа». Кроме того, в Конституции Татарстана дается характеристика субъекта федерации в качестве «демократического правового государства, *объединенного с Российской Федерацией* (курсив наш – Р.Р.)...». Таким образом, на конституционном уровне закрепляется формальное равенство государств Республики Татарстан и Российской Федерации, что получает свое подтверждение в ст. 2, 3, фактически дублирующих федеральную конституцию с той лишь разницей, что наименование «Российская Федерация» меняется на «Республика Татарстан».

Закрепление в качестве основных формальных источников регионального права субъектов федерации, наделенных отличным от республиканского конституционно-правовым статусом нормативно-правовых актов, именуемых уставами, актуализирует вопрос об их соотношении с республиканскими конституциями. С одной стороны, на конституционном уровне получил закрепление принцип равноправия субъектов во взаимоотношениях с федеральными органами государственной власти (ч. 4 ст. 5 Конституции РФ). С другой стороны, в Конституции ничего не сказано о равенстве субъектов по отношению друг к другу. Как уже ранее отмечалось, субъекты-республики, наделены более значимым конституционным статусом, неже-

ли другие субъекты, хотя их реальное конституционно-правовое и экономическое положение, мягко говоря, далеко от лидирующего.

Подводя итог сказанному, следует сформулировать следующие выводы:

Конституционно-правовая система России развивается в контексте дискретной (прерывистой) истории, предполагающей «разрыв» национальной правовой традиции вследствие масштабных катаклизмов, влекущих разрушение предшествующих и формирование «на обломках старого мира» вновь образуемых политико-правовых конструкций.

Появление в российской правовой реальности писаных кодифицированных конституций обусловлено разрушением государственно-правовой системы Российской империи и созданием государства нового исторического типа (РСФСР/СССР), по форме и социальной сущности качественно отличного как от предшествовавшего ему монархического государства, так и от имевшихся на тот исторический период буржуазных республик.

В основу понимания конституций в условиях советской социалистической конституционно-правовой системы был положен принцип ретроспективного действия: принимаемая по инициативе партии конституция закрепляла сам факт завершения очередного этапа социалистического строительства, а также определяла структуру и содержание конституционного устройства государства, характерные для этого этапа. Что же касается перспективного планирования в области государственного развития на пути к коммунизму, то эту задачу выполняли партийные программы.

Для советской конституционно-правовой системы была характерна традиция, объединявшая федеральную (союзную) и региональные (союзных и автономных республик) конституции. Суть этой традиции заключалась как в юридической технике принятия региональных конституций (принимались в течение года следующего за годом принятия союзной конституции), так и в дублировании основных положений союзной конституции региональными аналогами.

Конституционно-правовая система современной России, несмотря на заявленное правопреемство с СССР, не содер-

жит в своем тексте отсылок к ранее действовавшим советским конституциям. Включение в систему источников конституционного права (наряду с федеральной конституцией и конституциями республик) уставов других субъектов РФ (областей, краев, городов федерального значения, автономных округов, автономной области) актуализирует проблему их соотношения. Следует констатировать, что в настоящее время федеральная конституция и конституции (уставы) субъектов представляют собой практически автономные нормативные конструкции, что обуславливает многочисленные нормативные коллизии между ними. Еще одной значимой новацией, отличающей современную Российскую конституционно-правовую систему, является феномен «живой конституции», существенным образом отличающийся как от социологической концепции «живого права» О. Эрлиха [1, с. 151–175], так и от американского правового реализма [8, с. 28–52]. Понимание в качестве «живой» действующей Конституции РФ, с одной стороны, предполагает возможность ее текстуального изменения по инициативе главы государства – президента, а с другой – вносить интерпретационные смысловые правки Конституционным судом, позиции которого, по мнению судей, не являясь конституционными законами, по своей юридической силе не менее значимы, нежели положения, содержащиеся в аутентичном конституционном тексте [5, с. 68–71; 6].

Список литературы

1. Антонов М.В. Ойген Эрлих: живое право против правового плюрализма? // Известия вузов. Правоведение. – 2013. – № 1. – С. 151–175.
2. Гатауллин А.Г., Зайнутдинов Д.Р. Конституция РСФСР 1918 года как правовая основа в военное время // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 9 (94) сентябрь. – С. 11–18.
3. Зоркин В. Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. – 2008. – № 12. – С. 3.
4. Крусс В. И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. – 2007. – № 2. – С. 7–14.
5. Лазарев В. В. Проблемы исполнения решений Конституционного Суда Российской Федерации Государственной Думой // Исполнение решений конституционных судов: сб. докл. 4-го Междунар. форума «Проблемы исполнения решений конституционных судов», г. Москва, апр. 2002 г. / Ин-т права и публич. политики. – М., 2003. – С. 68–71.
6. Лазарев В. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. – М.: Городец; Формула права, 2003. – 528 с.
7. Лукашевич Д.А. Юридический механизм разрушения СССР. – URL: <https://law.wikireading.ru/71040>
8. Петрова Е.А. Механизм конституционного правотворчества в США как проявление конвергенции в праве // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. – 2017. – Т. 21. – № 1. – С. 28–52.

9. Путин вручил миллиардеру Ротенбергу золотую медаль Героя Труда. – URL: <https://lenta.ru/news/2020/03/18/medal/>

References

1. Antonov, M.V. (2013) Ojgen E` rlix: zhivoe pravo protiv pravovogo plyuralizma? [Eugen Ehrlich: living law versus legal pluralism?] // *Izvestiya vuzov. Pravovedenie*. No 1. pp. 151–175. (In Russian).
2. Gataullin, A.G., Zajnutdinov, D.R. (2018) Konstituciya RSFSR 1918 goda kak pravovaya osnova v voennoe vremya [The Constitution of the RSFSR of 1918 as a legal basis in wartime] // *Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava*. No 9 (94) sentyabr`. pp. 11–18. (In Russian).
3. Zor`kin, V.D. (2008) Cennostny`j podxod v konstitucionnom regulirovanii prav i svobod [Value approach in the constitutional regulation of rights and freedoms] // *Zhurnal rossijskogo prava*. No 12. P. 3. (In Russian).
4. Kruss, V.I. (2007) Rossijskaya konstitucionnaya aksiologiya: aktual`nost` i perspektivy` [Russian Constitutional Axiology: relevance and prospects] // *Konstitucionnoe i municipal`noe pravo*. No 2. pp. 7–14. (In Russian).
5. Lazarev, V.V. (2003) Problemy` ispolneniya reshenij Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii Gosudarstvennoj Dumoj [Problems of execution of decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation by the State Duma] // *Ispolnenie reshenij konstitucionny`x sudov: sb. dokl. 4-go Mezhdunar. foruma «Problemy` ispolneniya reshenij konstitucionny`x sudov», g. Moskva / In-t prava i publich. politiki. Moskva, pp. 68–71. (In Russian).*
6. Lazarev, V.V. (2003) *Pravovy`e pozicii Konstitucionnogo Suda Rossii* [Legal positions of the Constitutional Court of Russia]. Moskva: Gorodecz; Formula prava. – 528 p. (In Russian).
7. Lukashevich, D.A. *Yuridicheskij mexanizm razrusheniya SSSR* [The legal mechanism of the destruction of the USSR] // <https://law.wikireading.ru/71040> (In Russian).
8. Petrova, E.A. (2017) *Mexanizm konstitucionnogo pravotvorchestva v SShA kak proyavlenie konvergencii v prave* [The mechanism of constitutional law-making in the USA as a manifestation of convergence in law] // *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*. Vol. 21. No 1. pp. 28–52 (In Russian).
9. Putin vruchil milliarderu Rotenbergu zolotuyu medal` Geroya Truda [Putin presented billionaire Rotenberg with the Hero of Labor Gold Medal] // <https://lenta.ru/news/2020/03/18/medal/> (In Russian).

Об авторе

Ромашов Роман Анатольевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, заслуженный деятель науки Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

About the author

Roman A. Romashov, Dr. Sci. (Law), Professor, head of theory and history of the state department of Law faculty, Pushkin Leningrad State University, Meritorious Scientist of Russian Federation, St. Petersburg, Russian Federation, e-mail: romashov_tgp@mail.ru

Поступила в редакцию: 27.06.2022
Принята к публикации: 29.08.2022
Опубликована: 30.09.2022

Received: 27 June 2022
Accepted: 29 August 2022
Published: 30 Sep. 2022